

Соломенцева Клёна Викторовна

ЖАНР ФАРСА В РОМАНЕ В. П. АСТАФЬЕВА "ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ" (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СЦЕНЫ ПОКАЗАТЕЛЬНОГО СУДА НАД СОЛДАТОМ ЗЕЛЕНЦОВЫМ)

В статье рассматривается один из эпизодов романа "Прокляты и убиты" - показательный суд над солдатом Зеленцовым. Исследователь обращает внимание, что данный эпизод театрален, то есть всё действие построено по законам сценического искусства и представляет собой фарсовое зрелище. При анализе выделяются основные черты жанра фарса, берущего свое начало в карнавальной культуре, и их функционирование в эпизоде суда.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 168-170. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**VERBALIZATION OF NATIONAL AND CULTURAL IDEAS
ABOUT THE CULT OF BEAR IN THE MARI LANGUAGE**

Sokolova Marina Valer'evna
Mari State University
marinuk.sokolova@yandex.ru

The article is devoted to the brief analysis of the verbalization peculiarities of the zoonym “маска” (bear) in the Mari linguo-culture. Special attention is paid to the etymology, the nature of lexical-semantic and contextual realization of the name of this animal. By the lexical and phraseological material of the Mari language the author groups the examples of the use of this zoonym in speech and texts of fiction and this is carried out on the basis of the semantic analysis of nomination of the phenomena of the reality.

Key words and phrases: totem; taboo; cult; myth; lexeme; phraseology; context.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается один из эпизодов романа «Прокляты и убиты» – показательный суд над солдатом Зеленцовым. Исследователь обращает внимание, что данный эпизод театрален, то есть всё действие построено по законам сценического искусства и представляет собой фарсовое зрелище. При анализе выделяются основные черты жанра фарса, берущего свое начало в карнавальной культуре, и их функционирование в эпизоде суда.

Ключевые слова и фразы: жанр фарса; герои фарса; сатирические приемы; , выпад из системы»; , театральность».

Соломенцева Клэна Викторовна

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова
kliona86@mail.ru

**ЖАНР ФАРСА В РОМАНЕ В. П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СЦЕНЫ ПОКАЗАТЕЛЬНОГО СУДА НАД СОЛДАТОМ ЗЕЛЕНЦОВЫМ)[©]**

Понятие жанра в литературе, пожалуй, одно из самых сложных. Сложность заключается в том, что жанр – это не статичная категория, а подвижная, она постоянно меняется; на смену одним жанрам приходят другие [4, с. 318].

Исследователи часто отмечают внутри уже сложившегося жанра элементы , чужогой, не свойственные ему изначально. В таких ситуациях происходит как бы нарушение существующих законов жанра – , выпад из системы. Ю. Н. Тынянов это явление называет , смещением системы: , Вся революционная суть пушкинской “поэмы” “Руслан и Людмила”, – пишет он, – была в том, что это была “не-поэма” (то же и с “Кавказским пленником”); претендентом на место героической “поэмы” оказывалась легкая “сказка” XVIII века, однако за эту свою легкость не извиняющаяся критика почувствовала, что это какой-то выпад из системы. На самом деле это было *смещение* системы [5, с. 255].

В романе , Прокляты и убитый сцена показательного суда по развитию действия, по характеру участников, задействованных в нем, по своей театрализации напоминает фарсовое зрелище. В статье рассматривается, каким образом законы жанра фарса развиваются внутри одной из сцен романа.

Фарс – жанр драматургии и театральных спектаклей, характеризующийся легкостью и непритязательностью сюжета, буффонным юмором, однозначностью характеров, внешними комическими приемами [6]. Фарс по природе своей имеет две грани: комическое начало (буффонный юмор) и сатирическое. Это сочетание связано с особенностью истории возникновения жанра фарса.

Сценки фарса, взятые из бытовой жизни людей, как правило, разыгрывались бродячими артистами на площади, где была оформлена сцена из подручных средств, а театрализованное действие не требовало от актеров долгих репетиций. В романе , Прокляты и убитый автор-повествователь искусно создает атмосферу театральной постановки задолго до самого действия. Так, повсюду, на всей территории чертовой ямы, были расклеены объявления о том, что 20 декабря 1942 года состоится показательный суд. Указание точной даты придает достоверность намеченным событиям, а форма распространения информации (объявления) напоминает афишные плакаты, которые оповещают зрителей о начале спектакля: . На рекламных щитах клуба, на казармах и даже на заборах появились объявления [1, с. 137]. Ирония появляется из-за сочетания рекламы, выполняющей функцию театральной афиши, с информацией, которую можно встретить на заборах.

, Театральность продолжена и в оформлении клуба, и в оформлении сцены показательного суда. Всё было выдержано в строгой торжественности, чтобы придать событию государственную важность: , клуб украшен лозунгами, выписками из военного устава по дверям и по стенкам, плакатами типа “Родина-мать

зовет!”, карикатурами на немцев и строго написанным барельефом вождей мирового пролетариата. <...> Над стеной был тот же барельеф, та же упряжка с вождями мирового пролетариата, на сцене высился длинный стол, накрытый недочиста отстиранным от белых букв красным лозунгом [Там же, с. 153]. Эта обстановка, этот антураж напоминает декорации, которые должны были морально подействовать на солдат, сделать их смиренными и покорными. Судебный процесс как бы разыгрывается на сценических подмостках по законам сценического искусства.

Клуб с его пестрыми вывесками, по сравнению с загаженными казармами, солдатам казался раем. Сам факт суда для ребят был своеобразным праздником: отменили занятия в ротах, мероприятие состоялось на сытый желудок, шли они с песнями и были воодушевлены. А глядя на объявления, на рекламы, они думали не о суде, а о том, что будут показывать после него – кино или постановку. Это настроение легкости, всеобщего веселья – типичное настроение толпы, которая пришла посмотреть забавное зрелище.

Размещение солдат и трибунала в клубном пространстве продолжает, работать на создание игровой (театральной, зрелищной) ситуации: трибунал находился на возвышении, на сцене, а солдаты размещены были в партере, внизу. Пространственная иерархия верха/низа, естественная для театрального зала, для зала судебного прочитывается как враждебность, непреодолимость социального пространства между солдатами и судьями, бесправным, низким и всеильным, верхом. В этой иерархии есть актеры (Зеленцов, Дубельт, судьи), зрители (солдаты) и режиссер (Анисим Анисимович – председатель трибунала).

В представлении солдат образ председателя трибунала выглядит нелицеприятно. Он изображается в виде мифического чудовища, для описания которого в романе автор использует гротеск и гиперболу. Так, у него «всегда непромытая кожа лица», нос, который не просто, завершается двумя широкими дырами, но из него «щетиною торчит волос, срстаясь с малоприметными усами, нависающими над щелью беззубого рта» [Там же, с. 154]. Гипербола создается с помощью слов, в семантике которых заложено понятие чего-то огромного, большого (широкие дыры, щель беззубого рта). Преувеличение достигает своего максимального проявления в описании рта председателя, приобретающая сатирическую окраску: «безразмерный рот, способный заглотить жертву шире себя» [Там же]. Такой рот может быть только у змея, а змей – это образ, который согласно мифологии всегда враждебен человеку (например, образ Змея Горыныча или Тугарина Змея в русских былинах). В романе змей – враг русскому солдату, цель которого «согнуть, заломать, лишить всякой воли, всякой надежды на сопротивление любыми способами, всеми доступными средствами» [Там же, с. 160].

Используя далее эффект обманутого ожидания, автор заостряет образ председателя трибунала. Так, на сцену выходит «мелконько перебирая ножками в хромовых сапогах, в гимнастерке, почти достающей подолом до сапог этих, украшенное медалью и красивыми, начищенноблестящими знаками, ступило улыбочное, румяньное, как бы даже и кланяющееся народу существо» [Там же, с. 154]. Наивысшим проявлением сатиры здесь является слово «существо», он не человек, он нечто другое. Он то, что можно отнести к скоточеловеку, он лишен души, скотиноподобен.

Художественное описание образа опирается на литоту (румяньное, улыбочное, мелконько – слова с уменьшительными суффиксами), которая еще ярче создает образ Анисима Анисимовича, еще больше уменьшает его фигуру по сравнению с вышеописанным.

Анисим Анисимович страшен тем, что у него другая политика, еще более опасная, потому что неожиданная. Его политика похожа на поведение хитрого змея, который «когда расположит к себе людей, окутает, нанесёт разящий удар, и даже не удар, этакий почти незаметный небрежный тычок, от которого валятся с ног самые оголтелые враги» [Там же, с. 155].

Однако подсудимый Зеленцов, вызванный на сцену для расправы, неожиданно ломает правила игры. Надевая на себя маску буффонного героя, он блестяще разыгрывает роль пройдохи – настоящего героя фарса, который опирается на толпу зрителей.

Автор-повествователь не случайно выбрал Зеленцова в роли буффонного героя, так как весь жизненный путь этого персонажа построен на игре. Впервые мы сталкиваемся с ним практически в самом начале романа, когда в казарму прибывают новобранцы. Зеленцов никого не боится: выгоняет вместе с Яшкиным картёжников и вступает с ними в рукопашный бой. Он имеет хорошие организаторские способности, умеет руководить, держать место, делить добычу. Жизнь научила его приспосабливаться к любой ситуации, надевать на себя разные маски, играть различные роли. Так, мы знаем, что фамилия Зеленцов у солдата не первая. Автор дает нам подробную историю жизни Зеленцова – его настоящее имя Никита Жердяков. За годы скитания без родителей он сменил много фамилий, но неизменным осталось одно – отчаянная злоба на весь мир и желание выжить. Это желание настолько сильное, что солдат забывал свои прежние имена и фамилии и никогда не путался в них. В условиях чертовой ямы человек с таким характером становится героем. Солдаты 21 полка, где служил Зеленцов, терялись в догадках: «Что же наделал этот пройдоха – что натворил – порешил ли кого? украл ли чего? Слух докатился, будто обчистил он офицерскую землянку, да и не одну!» [Там же].

Фарсовая ситуация проявляется в том, что солдаты-зрители становятся на сторону пройдохи: «и вот тебе: вместо того чтобы порицать преступника ... в ротах сочувствовали Зеленцову, хвалили его за храбрость» [Там же, с. 152]. Эта поддержка была характерна для жанра фарса, где «проделки персонажа должны были вызывать сочувствие зрителей. Ведь его плутни ставили в глупое положение сильных мира сего и показывали преимущество ума, энергии и ловкости простого народа» [2]. Такое отношение солдат к Зеленцову возникает оттого, что он для них не злодей, а «свой человек, идущий против чужих». Подобное деление характерно для фарса: «фарс отлично различает “своих” и “чужих”». Иначе быть не могло. Он игрался для городской толпы, а она знала, кто свой и насколько [3]. Но в отличие от традиционного пройдохи Зеленцов «свой» только в антитезе к «чужим» и «чужой» среди своих, так как солдаты его боялись и держались с ним отчужденно.

Но на суде именно Зеленцову удается сплотить солдат. Он привлекает их на свою сторону с помощью реплик: , Ну, как жизнь, ребята? Не всех ещё уморили?»; с помощью жестово-мимического контакта: . Зеленцов обернулся, подмигнув своим ребятам: то ли еще будет, друзья мои! [1, с. 157]. Все это позволяет ему создать атмосферу непринужденности, единого братства, позволяет повести солдат к бунту, к противостоянию сильным мирам сего.

Мятежное состояние подсудимого передается солдатам – зрителям, которые , ведут полемику с судом [Там же, с. 158]. Смелости им придает не только бессилие суда, но и осознание единения друг с другом. Единение, проявляющееся как в мысленном бунте, так и в выкриках: , Правильно, Зеленцов, молодец, это они понаехали, чтобы окончательно подавить ребят, здешние держиморды уже не справляются со своей задачей, так им в помощь этого вот румяньего... А-а, привык судить забитых, безропотных. Не на того попал!», , “Правильно, Зеленцов! Правильно! Люди умирают! Довели!” – послышалось в зале как бы в продолжение того, что смел Боярчик произнести про себя! [Там же, с. 157].

Своей агрессивностью и наглостью Зеленцов ломает , режиссерский замысел Анисима Анисимовича, который изначально рассчитывал на быстрое разрешение конфликта. Действие начинает жить по задумке пройдох. Это видно из спора капитана Дубельта и подсудимого. В их словесном состязании максимально полно проявляется фарсовое действие, потому что в нем сливается , веселое и забавное с изменением ролей: обвиняемый и обвинитель меняются местами. Это происходит потому что, капитан Дубельт, будучи от природы человеком мягким, ведет себя неуверенно, путается в своих показаниях, мямлит. Именно поэтому в его речи присутствуют такие слова, как , мне кажется, , может быть. Его поведение – это , жалкий лепет; его желание – это поскорее покинуть зал, уйти от унижения, которое заключается в том, что ему приходится всем сидящим в зале рассказывать, как какой-то солдат-, блатняга смог его, капитана, посадить на кумпол. Именно поэтому Зеленцов, от природы наглый, занимает ведущее место в диалоге, из которого выходит, что он, Зеленцов, ни в чем не виноват, а все произошедшее случилось по вине самого капитана.

В конце концов показательный суд становится похожим на балаган, в котором царит шум, веселие, достигающие апогея к объявлению приговора. Сначала приговорили к высшей мере наказания – расстрелу, но после паузы, функция которой морально подействовать на солдат, расстрел сменили штрафной ротой. Это и стало одной из причин дальнейшего нарушения дисциплины показательного суда: , где-то пробно хлопнули, будто на концерте или торжественном празднике, тут же шквал шума, рукоплесканий, радостных выкриков сокрушил тишину [Там же, с. 161]. Наличие оваций является неотъемлемой частью всех сценических представлений, что доказывает театральность данной ситуации. Солдаты вместе с пройдохой одержали бесспорную моральную победу над теми, кто был призван их перевоспитать. Можно сказать, что развязка естественна, так как представители власти действовали без учета ситуации, а просто выполняли распоряжение: вынести приговор и его отменить, но в данном случае эта схема действия потерпела неудачу, так как никто не ожидал бунта среди , заморенных солдат.

Таким образом, помещенная в рамки данного романа фарсовая ситуация подчинилась его идее, тесно переплетаясь с сатирической линией. С помощью разнообразных приемов, раскрывающихся внутри фарсовой ситуации, автор не только провозглашает неоспоримую победу , верх над , низом, что полностью соответствует фарсовому действию, но и обличает пороки председателя трибунала и пары заседателей от воинской части; фарс утратил свою легкость, комичность и стал одним из способов выражения авторской мысли.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2010. 794 с.
2. Дятлова Г. Популярная история театра [Электронный ресурс] // Библиотека обучающей и информационной литературы. URL: http://www.k2x2.info/kulturologija/populjarnaja_istorija_teatra/p15.php (дата обращения: 18.01.2015).
3. Кагарлицкий Ю. О фарсах вообще и фарсах Филдинга в частности [Электронный ресурс] // Генри Филдинг. Фарсы. М.: Искусство, 1980. URL: http://www.lib.ru/INOOLD/FILDING/fielding0_4.txt (дата обращения: 29.12.2014).
4. Лихачев Д. С. Историческая поэтика. Смех как мировоззрение. СПб.: Алетейя, 2001. 566 с.
5. Тынянов Ю. Н. Литературный факт. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
6. Шабалина Т. Фарс [Электронный ресурс] // Энциклопедия , Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/FARS.html (дата обращения: 12.01.2015).

FARCE GENRE IN V. P. ASTAFYEV'S NOVEL "THE CURSED AND THE SLAIN" (ON THE EXAMPLE OF ANALYSIS OF SCENE OF SOLDIER ZELENTSOV'S SHOW TRIAL)

Solomentseva Klana Viktorovna

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov
kliona86@mail.ru

The article describes one of the episodes of the novel "The Cursed and the Slain" – the show trial of soldier Zelentsov. The researcher emphasizes that this episode is theatrical, that is all the action is built according to the laws of theatrics and constitutes a farcical spectacle. The main features of farce genre originating in carnival culture and their functioning in the episode in court are singled out when analyzing.

Key words and phrases: farce genre; farce characters; satirical techniques; "fall out of the system"; "theatricality."